

вилам игры: другой — выбирает, я — объясняю, — я в четвертый уже раз дополняю выбор главного редактора своим собственным, добавляя к главному «чужому» снимку одну другую «собственный». Возможно, такое нарушение правил идет на пользу делу, привлекая оттеняющие, как правило, правила исключения. Здесь это будет тоже групповой человеческий портрет, сделанный в тот же день (уже совсем вечером) и в том же городе — в Будапеште.

Сказать честно, я, пребывая в Будапеште, и в голове не держал этого, конечно, важно не только для венгров, но и для нас сравнительно далекого, практически — полувековой давности, исторического события. Советского вторжения в Венгрию 1956 года. Ну то есть не то, чтобы совсем не держал, оно шло неким психологически-историческим фоном, объясняя, например, радушие далеко не всех прохожих, когда они понимали, что я — русский, но уж во всяком случае — без дат. А венгры дату, конечно, помнили.

И вот, когда спустился вечер, на берег Дуная, буквально на километры его набережных, стал стягиваться народ. Самый, конечно, разный, — но мне так и не удалось встретить в этих растянутых толпах, в этих, скорее, живых цепочках, ни одного очевидно несимпатичного лица. Стал стягиваться и зажигать: кто — свечи, кто — маленькие факелы. Короче — открытый или чуть прикрытый огонь. Прикрывая его то ладонями, то загодя припасенными стеклянными абажурами от свежего ветра с реки. Одновременно с этим (кажется, ровно в семь) загудели и все проезжающие по набережным Дуная автомобили (возможно — и в других местах города, возможно — и в других городах, но я был на берегу Дуная), и гудели так полный час.

Все это было неожиданно. Скорбно, трогательно, торжественно. Не снять это было просто невозможно, я и до сих пор считаю, что в обоих моих венгерских альбомах это лучший — во всяком случае, по уникальности — снимок. Но, с другой стороны, и снимать было как-то неловко: словно подсматриваешь за чем-то совершенно интимным, так сказать, не предназначенным... Хотя, если многие тысячи людей устраивают эту пронзительную публичную демонстрацию, — не могут же они не понимать, что создают некую... картину? А уж если создают, она не может не спровоцировать и ее фиксации.

Не ожидая застать в Будапеште ничего подобного, я, признаюсь со стыдом, поленился захватить с собою из Москвы штатив, а матрица камеры Olympus E20, которым я тогда снимал, разогналась максимально до 320 ISO (правда, при довольно приличном относительном отверствии 1 : 2,0, которое, увы, заметно уменьшалось с увеличением фокусного расстояния, — а увеличивать его, учитывая обстановку, приходилось поневоле). И я, едва увидев этих собирающихся людей, эти загорающиеся свечи, — пулей помчался в гостиницу за аппаратом, а потом ходил между свеченосцами, выбирая импровизированные точки опоры и стараясь снимать по возможности не демонстративно. И уж, во всяком случае, заперев рот на за-

мок, чтоб ненароком не выявить свое подданство.

Здесь люди тоже освещены не модельно и даже, возможно, не всегда достаточно ярко, хотя, безусловно, являются «первым планом». Но я, всякий раз, когда снимок падает мне на глаза, снова и снова не могу оторваться по нескольку минут и разглядываю эти лица. Правда, меня посещает опасение, что те, кто не слышат (и даже не представляют/вспоминают) при взгляде на этот снимок тысяч гудящих автомобилей, кто не видят (и даже не представляют/вспоминают) тянущуюся на километры извилистую змейку огоньков, — возможно, просто

«Признаемся, что матрицы (и даже изысканнейшие партии пленки) очень сильно отстают еще от широты нашего глаза»

не имеют достаточно информации, чтобы наполнить фотографию тем эмоциональным содержанием, которым она всегда полна для меня. И не проходит ли здесь еще одно принципиальное ограничение фотографии в деле фиксации и передачи впечатления?

Ну и, под занавес, буквально два-три слова, собственно, о технологиях. В обоих этих снимках мы имеем дело с ситуациями, связанными с одной и той же технологической (а возможно — и маркетинговой) проблемой современных цифровых фотокамер, — с размером ячейки матрицы. Чем ячейка — при прочих равных условиях (которые, следует признать, от года к году все улучшаются) — имеет больший размер, тем большую мы имеем фотографическую широту и тем до большей чувствительности мы можем разогнать матрицу в пределах допустимых цифровых шумов.

Первый снимок сделан в счастливом стечении световых обстоятельств, позволивших равно полно проработать и его светлую, и его теневую части, — но как редко эти

обстоятельства стекаются столь удачно и сколько фотографий, прекрасных по замыслу, гибнут из-за пересвета светлой части или — единственная альтернатива — гибели во тьме деталей темной. Признаемся, что матрицы (и даже изысканнейшие партии пленки) очень сильно отстают еще от широты нашего глаза, в значительной степени обеспеченной гибкостью и автонастраиваемостью нашего мозга.

Второй же снимок, хоть и кажется мне достаточно удачным (адекватным, по крайней мере, замыслу), мог бы оказаться далеко не лучшим в серии, если б я мог снимать много и с рук, не ограничивая себя подруч-

ными опорами (да и штатив тоже надо еще установить и настроить, — а в таких живых ситуациях все это может означать безвозвратный уход ситуации или воспрепятствование съемки со стороны ее объектов). На сегодня я знаю разве что одну камеру, которая позволила бы мне такую роскошь: сравнительно дорогой Canon 5D.

А увеличение размеров ячеек (при одинаковом абсолютном размере матрицы, который диктуется классом аппарата, его размерами, размерами оптики) автоматически означает снижение их числа до разумных пределов. Находящихся, — как я недавно выяснил, отпечатав на принтере, без всяких нареканий на разрешение, три десятка фотографий в редко нужном даже «профессиональному любителю» размере A2 с шестимегапиксельной матрицы, — в пределах 3–6 мегапикселей.

И я вот все жду, когда, наконец, найдется первый умный производитель, который уменьшит в матрице число пикселей и выйдет с рекламой не числа, а умения...

Евгений КОЗЛОВСКИЙ

